

ПРОСТРАНСТВО
ПЕРЕВОДА

Аврелий ПРУДЕНЦИЙ Клемент
СОЧИНЕНИЯ

Перевод
РОМАНА ШМАРАКОВА

УДК 821.124
ББК 84(4Лат)
П85

На обложке:

Пруденций перед Христом.

Миниатюра из рукописи «Психомахии» (XII в.)

ISBN 978-5-91763-105-9

© Р. Шмарakov, перевод, предисловие, комментарии, 2012

© Издательство «Водолей», оформление, 2012

ВСТУПЛЕНИЕ

Пятилетий уж десять я,
Коль не сбиться, прожил; сверх же того седьмой
Год вратят небеса, свет как я пью солнца кружащегось.

Мой предел недалёк, и день,
Смежный старости, Бог летам придал моим:
Что ж полезного я смог совершить в сей долготе времен?

Перва младость под звонкою
Розгой слёзы лила; тогой учён потом,
Полн пороками, ложь молвить, не чужд и преступления.

¹⁰ Там продерзость распутная
И бесстыдство страстей (горечь и стыд, увы!)
Непотребства сквернит юность мою грязью и тиною.

В пререканиях пламенный
Дух оружие стяжал, и непреклонная
Страсть победником быть ввергла его в случаи тяжкие.

Под законов властительством
Знатных градов бразды правил двукратно я,
Правосудье давал добрым мужам, страшен злодеям был.

²⁰ Наконец на высокую
Службы степень взнесла милость владычня,
И, приблизив к себе, впрעד мне велит в чине ближайшем быть.

В сих делах жизни реющей
Вдруг ко мне седина вкралася старости,
Упрекнув, что забыл древнего я Салию консула,

В чью годину мой первый день.
Сколь сменилося зим, розы лугам колькрат
После льда отданы, знают о том снега главы моей.

Это, благо иль зло, ужель
Пользой будет мне в час, как сокрушится плоть,
30 В час, как то, чем я был – что там ни есть –
смерть разорит дотла?

Мне рекут: «Кто бы ни был ты,
Мир, душою твоей чтимый, утрачен ей;
Не о Боге она присно пеклась, в Чьем ты владении».

И при самом конце её
Пусть безумье с моей грешной спадет души;
Пусть хоть гласом она Бога честит, если заслуг в ней нет.

День пусть гимнами полнится,
От Господней хвалы праздна не будет ночь;
Против ересей пусть бьется, гласит веру вселенскую;

40 Пусть святыни язычески,
Пусть, о Рома, твоих идолов ввергнет в срам;
Страстотерпцам она песнь вознесет, славит апостолов.

В час, как молвлю ль, пишу ль о сем,
Если б мог излететь я из телесных пут,
Волен, в край тот, куда гибкий язык
звук свой последний шлёт!

ПСИХОМАХИЯ

ВСТУПЛЕНИЕ

О веры перва отрасль, старец преданный,
Аврам, родитель поздний ветви счастливой,
Чьё увеличил имя слог прибавленный,
Аврам отцом кто, Богом назван Авраам,
Умел обречь кто в жертву чадо старости,
Уча: святыню коль пред олтарем творишь,
Что сердцу сладко, милое, единое,
То должен Богу принести ты волею, –
И с племенами праться нечестивыми
10 Советует нам, свой, советчик, дав пример:
Дитя не прежде воспринять законное,
Угодно Богу, порожденно доблестью,
Чем бранолюбный дух в великой жесточи
Чудовищ сердца одолеет рабского.

Цари пленили древле горделивые
Во градах грешных Лота обитавшего,
В стране содомской и гоморрской пришлецом,
Премного чтимым ради славы дядиной.
Аврам, вестями возбужден зловещими,
20 Вдруг слышит: родич, жребьем бранным взят в полон,
В тяжелых рабство терпит узах варварских.
Он вооружает триста восемнадцать слуг,
Чтобы ударить в тыл врага грядущего,
Который пышной был казной и знатного
Триумфа скарбом отягчен захваченным.
Железо сам он обнажает; Богом полн,
Царей надменных, с тяжкими корыстями,
Женет бегущих, попирает раненых,
Свергает цепи, плен освобождает он:
30 Девиц и золото, ожерелья, отроков,
Сосуды, ризы, юниц, табуны коней.
И Лот сам, путы сринув растерзанные,
Подъемлет вольно вью, стерту цепию.

- Аврам, триумфа разоритель вражеска,
Идет прославлен, отрасль братню вызволив,
Да никакого чада крови верная
Князей насилье не пленяет мерзостных.
Еще дымящась мужа сечей велией
Дарит священник брашнами небесными,
40 Священник Божий и великомощный царь,
[Происхожденье чьё неизреченное
Не обличает своего виновника,]
Мелхиседек, чей род, чьи прародители
Незнаемы, Бог ведает единый их.
И троевидна ангельская троица
Радушна старца вскоре посещает сень,
И уж в увядшем чреве Сарра плодная
Дивится действию младости, бескровна мать,
Уже ликует чаду, в смехе кающаяся.
- 50 Предображенье той черты здесь явлено,
Которой наша жизнь да верно шествует:
В оружьях должно бдеть нам сердца верного
И всяческую часть нам тела нашего,
Что, в плен попавшись, гнусной служит похоти,
Собрав всю в доме силу, должно вызволить;
В своих нескудно мы мощны служителях,
Коль то, что могут триста восемнадцать слуг,
В изображенье узнаём мистическом.
Христос невольце Сам, священник истинный,
60 Неизреченным, горним Кто рожден Отцом,
Счастливым брашно поднося победникам,
Стыдлива сердца в малу внидет хижину,
Гостеприимцу честь являя тройческу;
Засим и душу Дух, в своих объятиях
Честных, супругу, долгий срок бесчадную,
От вечна семя плодную соделает;
Тут, мать поздняя, вено взявши пышное,
Наследника даст в дом отцу достойного.

ПСИХОМАХИЯ

Опытам тяжким людским, о Христе,
сострадающий присно,
В силе Отца и Своей, но единой, славу имущий, –
Чтим бо мы в обоих именах единого Бога,
Не одного: ведь Бог Ты, Христе, от Отца порожденный, –
Царь наш, молви, каким прегрешения войском способен
Дух вооруженный изгнать из ложбины нашея груди,
Сколько подьмется крат от волнуемых помыслов в недре
Смута, и душу колькрат истязает свара недугов,
Стража какая тогда на охрану потребна свободы
10 И сколь великая рать кипящим в предсердьи яризнам
Выйдет встречу, на счастливую брань. Ведь, благий воевода,
Чуждыми доблестей всех, обнаженными всякия мощи
Хищных пороков в среду Ты отнюдь не вверг христолюбцев;
Сам избавительным Ты в осажденном теле дружинам
Биться велишь, и Сам превосходными вооружаешь
Средствами ум, которыми он, на ругателей сердца
Мощный восстать, для Тебя и ратует и побеждает.
Способ к победе у нас пред очами найдется, коль близко
20 Доблестей исты черты и с ними грядущих сразиться,
В силе враждебной, нам различить будет можно чудовищ.

Первой в поле спешит, к сомненному жребию битвы,
Вера, готова на бой, взмятенная, в сельских одеждах,
Наги плеча, власы нестрижены, длань беспокровна;
Ибо к славе любовь незапная, новых пылая
Битв, ни о дротах в тот час, ни о латном не помнит покрове,
Но на могущую грудь полагаясь, на члены открыты,
Вызов стремится, чтоб сломить опасности яряя брани.
Се, донимающую дерзает, в бою сосупившись,
Первой Веру сразить богам Приверженность древним.
30 Та же вражью главу и виски, омкнуты повязкой,
Оземь, воздвигшись над ней, бросает, уста, упоенны
Кровью скота, смежает с землей, стопой попирает
Смертью выкаченны глаза, и душу злотворну
Воздуха сбитый ток в перехваченной давит гортани,
И в задыханье протяжном свершается тяжкая гибель.

Победоносный полк ликовствует, где тысяча купно
Мучеников, на врага вдохновенных царицею Верой.
Храбрых общников днесь за стяжанну венчает цветами
Славу она, и горящей велит багряницей облечься.

- 40 На травянистое тут ревнуя выступить поле,
Лат доспешных красой озаряется дева Стыдливость;
Факел отчизны своей прияв, содомлянка Похоть
Близится к деде, сосну смоляную, пышущу серой,
Мещет в лицо, и очи ее стыдливые огнем
Ищет, и мерзостным их залить пытается дымом;
Но воспаленныя фурии длань и волчицы ужасной
Огненный камнем дрот отражает бесстрашная дева
И от священна лица отбивает светоч простертый.
Обезоруженныя гортань блудницы пронзает
50 Меч погруженный; пары она извергает горячи,
Кровию источены нечистой, и дух ее грязный,
Скоро вон устремясь, оскверняет воздух окрестный.
«Так получи! – гласит царица победно, – последний
Ныне день для тебя; простертой лежать тебе вечно,
Боле уж не дерзнешь рассеять пламена смертоносны
Ты на Божиих слуг, у коих нескверного духа
Недро горит от единныя лишь светильни Христовой.
Ты ль, истязательница человек, могла, восприявши
Новую силу, согреть дыханье угашенной жизни,
60 После того как одр ассирийский глава Олоферна,
Усекновенна, кровью упоив похотными, омыла,
Пышное ложе вождя-любодейца Юдифь непреклонна
Презрела и лезвеём пресекла нечистое буйство,
Знатный трофей жена пожавшая на супостате
Дланью без дрожи, моя отместница с горней отвагой!
Мало, быть может, того, что еще под сенью закона
Ратуя, храбра жена нашу прообразует годину,
Истая доблесть когда в тела низлилася земные,
Дабы могущу главу сечь рукой служителей слабых.
70 Как! после оных ужель непорочныя девицы родов
Власть еще ты хранишь? после родов девы, от коих
Прежних истоков своих лишилася природа людского
Тела и новую плоть высокая всеяла сила,
И невестною Бог зачат Христос был женою,

Смертной матери сын, но с Отцом Божество совокупно.
Всяка оттоль божественна плоть, что Его зачинает:
По сопричастью она приемлет Бога природу.
Ибо Слово, плотию став, не оставило быти
Словом, как было досель, приобщась владению плоти,
80 И величье Его не нищает из-за владенья
Плотию – нет, но влечет несчастных к доле славнейшей.
Тем пребывает, чем был всегда, быть тем, чем Он не был,
Предприемля: а мы уж не то, что были, – выросли мы,
К лучшему быв рождены – мне Он дал, Себя не ослабив;
Нашим Бог Своего не умалит, но, уделяя
Нашему от Своего, сим даром нас к небу возводит.
Се дары, что сражают тебя, о скаредна Похоть;
После Марии мое низвергнуть не в силах ты право.
К смерти начальная ты стезя, ты гибели двери,
90 Скверной пятная тела, погружаешь души ты в Тартар.
Скрой же в горькой главу, чума охладеляя, бездне;
Сгинь, любодеица, к манам гряди, заключися в Аверне,
Нощи на мглистое дно низвержена буди стремглавно!
В глубях тебя пусть кружат зыби пламенны, черные зыби,
Сернистый вихрь пускай вратит в стремнинах гремучих,
Не искушать, о Фурий глава, тебе впредь христороубцев,
Да очищенны тела своему послужат Владыке».

Молвила и, веселясь уничтоженной Похоти смертью,
Тут Стыдливость клинок омывает в волнах иорданских
100 Свой утучненный: на нем сукровица рдяной росой
Позапеклась, испятнав железо лоснистое раной.
Так премудрая меч очищает в речном омовенье,
С победоносного смыв погружением, победоносна,
Вражьей гортани грязь; но уж ей не довольно омытый
В ножнах спрятать клинок, где ржавь потаенна подёрнуть
Может очищенный лоск шершавою нечистотою:
В храм посвящает его кафолический, божья истока
К жертвеннику, где вечным ему искриться сияньем.

Скромная, с важным лицом, Терпеливость стояла недвижно
110 На середине полков, отколе волненья различны,
Раны и недра бойцов, пронзенные дротом жестоким,
Зрела, очи вперив, пребывая невозмутима.

Ярость её издали, кипящая, с пенистым зевом,
Вежды кровавы свои, залитые желчью, вращая,
Безучастну в бою и пикой тревожит и кличем,
Ждать не терпя, копием ее ищет, стремится укоризны,
Гребнем власатым тряхнув на главе, шеломом покрытой:
«Вот тебе, зрительница свободная нашего Марса;
Грудью беспечною ты прими смертоносно железо
120 И не скорби – для тебя в скорбях позорны стенанья».
Так речет, и свистяща сосна, вослед поношенью,
Ринутая по легким ветрам, несется под самый
Стомах верной стезей и прямым поражает ударом.
Но отлетает она, доспехом отброшена прочным:
Ибо из стали сплетенной броню троежилную Доблесть
Предусмотрела вздеть на плеча, и чешуйну железа
Ткань отсюда витых скрепила ремней соплетеньем.
Так Терпеливость стоит в спокойстве, отважной пред всеми
Тучами стрел, для них пребывая неуязвимой:
130 Тщетен был чудища дрот, бушующего непомерно, –
Ждет она, чтобы своей погибла силою Ярость.
Подлинно, после того, как крепкие мышцы в досаде
Варварская воительница изнурила, и дровцов
Тучею втуне она утрудила бесплодную десницу,
Легким полетом когда ветряные осыпались стрелы
И в метанье пустом полегли преломленные жала,
Идет злодейская длань к рукояти, с клинком искрометным
Силу собрав на удар, высоко от правого уха
Вздетая, мощно разит по середине черепа в розмах.
140 Но шишак медяной, из металла каленого зданный,
Под ударом звенит и прочь отлетевшее тупит,
Твердый, он острее; строптивый металл преломляет
Сталь пораженну, меж тем, как пустые встречает наскоки
Сдаться не знающий шлем и терпит удар безопасно.
Узрела Ярость когда, что клинок на отломки раздроблен,
Что распавшийся меч на мелкие сеется части,
На рукояти что держится длань, уж не тяжелой железом, –
Вне себя, бесполезную кость, постыдные чести
Знак вероломный, прочь отметаает, печальное презрев
150 Напоминанье, и смерть, исступленная, встретить пылает.
Дрот из многих один, рассеянных ею впустую,
В прахе она полевом на превратну приемлет потребу,

Древко в землю вонзив и жало к себе обративши,
Плоть прободает, горячей пройдя сквозь лёгкое раной.
Стоя над ней, речет Терпеливость: «Мы победили
Доблестью свычной порок ликующий, всяку опасность
Крови и жизни своей миновав: таков есть в законе
Нашем род войны – и фурий и всякое пагуб
Войско и буйную мощь угащать лишь стойкостью нашей.
160 Враг себе иступленье само, и себя же, беснуясь,
Губит, и дротом своим ничтожится огненна Ярость».
Молвив, средину полков безопасно она рассекает
Мужа избранного в сопутстве: зане неотлучно
Иов с наставницей был победительной в сечах жестоких,
Думен доселе челом и о многих вздыхая кончинах,
Но уж суровым лицом усмехаясь смежившимся ранам
И по несчетным рубцам многотрудных вспоминая
Тысячи браней, своё воздаянье, позор супостата.
Снити к покою ему уж велит богиня от всяких
170 Ратных волнений, и то, что потеряно, пленным богатством
Ныне умножить, и взять то, которому не потеряться.
Тесны дружины она и стекающиеся раздробляет
Строй, ступая сама невредимо сквозь ранящий ливень.
Доблестям спутницей всем единой она придается,
И помогу свою Терпеливость отважная вносит.
В бой опасный без Доблести сей не войдет ни едина
Доблесть: бессильна она, коль ее не крепит Терпеливость.

Той порой средь раздавшихся турм надменна Гордыня
На невзнузданном коне летала, львиной покрытом
180 Шкурой, чей мех бременил бока его многомощны,
Дабы, на гриве она воссевши звериной, кичливей
Реяла, зря свысока на дружины с дерзостной спесью.
Башненосну главу возвела власами витыми
Круто, груди сложивши, она, придать чтоб громадность
Кудрям, чтоб гордо чело несло стремнину велику.
Палла льняная у ней распускалася складками сверху
По раменам, узлом сплетена на персях округлым;
Тонкою дымкой тесьма от главы привольно струяся,
Ветры набезны тканьем набухающим воспринимает.
190 В дикости и звонконог у нее горделив беспокойной,
Стиснутых уст не терпя опенившимися удилами;

Гнёт хребет, скрежеща, то туда, то сюда он, лишенный
Вольного бега, и полн от поводов натянутых злобы.
В сем ветряном обличье себя оказуючи, дева
Высится меж полков обоих, и в лудах узорных
Кругом гонит коня, грозна и ликом и гласом,
На сопротивный клин взирая, где воев немногих
С нищим оружием на брань усиленно тогда понукала
Дума Смиренна – хотя и царица, но помощи чуждой
200 Требующа, на своё снаряжение не полагаясь.
Ей пришла споборать Надежда, у коей высоко
Поднятое над землей в богатом царстве обилье.
Но Смиренну когда Гордыня безумная Думу,
Вооруженную лишь невзрачно дротом убогим,
Узрела, горьки к врагу она изливает глаголы:
«Жалкие! нет ли стыда – ополченную чернью на славных
В брани вождей посягать, железом народ донимая
Честью высокий, кому добыла ратная доблесть
Древни богатства, кому травую тучные холмы
210 Властно дала попить? теперь же пришлец обнаженный
Тщится, коль можно ему, старинных изгнать властодержцев!
Вот кто наши своим в корысть восхитить десницам
Скиптры желает, вот кто воздвигать пажити наши,
Нивы, плененны войной, пустошить сохой чужеземной
Тщится, суровых избыть затевая насельников Марсом!
Так, смехотворна толпа! в час, когда человек лишь рождается,
Купно все члены, ещё от матерня теплые чрева,
Мы объемлем и власть по новорожденному телу
Мы разливаем, в костях молодых водворяясь державно.
220 Место какое тогда вам далось в обители нашей,
Области наши когда со сверстным им верховенством,
Силою равны, росли? В единый день народившись,
Дом и хозяева, мы возмужали в равные лета,
После того, как, новая тварь, с возбраненного прага
Райского шествуя в путь, пустился в мир неизмерный,
Кожаное восприяв одеянье, Адам досточтимый:
Был бы нагим досель, не последуй он нашим внушеньям.
Кто же сей враг, от краев восстающий ныне безвестных,
Неотвязчив, убог, бессилен, подл и безумен,
230 Прав толь поздних себе домогаясь, доселе изгнанец?
Подлинно, то нам пустой молвы нелепицей мнится,

Что заставляет искать в ничтожестве все упования
Будущих, может быть, благ, да ласкают томную праздность
Низменные утешенья, мечты навевая ленивы.
Косной надежде ли тех не ласкать, которых в сем прахе,
Новобранцев, грозная медь не стрекает Беллоны,
Чей невоинственный дух размягчает изнеженна доблесть?
Иль удобна к войне Стыдливости хладная печень,
Иль трудятся в боях Благочестия хрупкие чада?
240 Сколько, о Маворс, стыда, о доблесть, нам ведома, – этим
Воинствам противустать, приступаясь к сей сбродне с железом,
Средь девического десницу вмещать хоровода,
Праведность жалкая где повсегда и убогая Честность,
Трезвость иссохнувшая, Воздержность с лицом побледнелым,
Скудную кровью едва окрашенный Стыд и, лишенна
Всяких покровов, любой Простота открытая ране,
И протершаясь в прах, возбраняя себе быть свободной,
Дума Смиренна, чей страх оказывает всю ее подлость!
Ну же! измолочу под стопами, точно солому,
250 Оную немощну рать – зане побивать их жестоким
Было б бесславно мечом, и зябкою кровью железо
Наше поить, и убогим мужей бесчестить триумфом».

Так она возопив, скакуна быстролетного нудит
Шпорою и, отпустив бразды, безрассудно несется
На смиренна врага со щитом из конския шкуры,
Жаждет, грянув, топтать опрокинутого супостата.
Но стремглав она валится в ров, который лукава
Ложь ископала тайком, рассекши недра равнины, –
260 Ложь, из мерзостных язв, из стада пороков, едина,
Изобретательница обманов, в предведенье брани
Обезобразившая коварными ямами поле,
С вражеския незаметно страны, чтоб прянувши строи
Принял пространный ров, станицы пожрав погруженны;
Дабы ж предательская не сделалась копь очевидной
Ратям сторожким, жерло она укрыла ветвями,
Дерн нанося и твердой земли притворяя обличье.
Но, не зная о сем, царица смиренная в дальнем
Поля краю была, к ловушке, Ложью созданной,
Не подойдя и злокозненна рва не шагнувши в лукавство.
270 Оная ж всадница в сей обман, стремительно мчсая,

Впалась, и зев отверзся слепой пред нею внезапно:
Выбита, с шеи коня скользит оступившегося, между
Голеней сбитых его катится под конскою грудью.
Доблесть, однако ж, с ее поступкой кроткою, узрев:
Чудища сокрушено, поникшего при смерти, буйство –
Шаг устремляет к нему неторопко, главу лишь немного
Взвысив, на скромном лице оказуя сдержанну радость.
Медлящей верным идет Надежда спутником в помощь,
Мститель-меч подавая, и любовь ей к славе вливает.

280 Та же, врага окровавленного ухвативши за кудри,
Выволокла и главу запрокинула шуйцей усиленной;
Презрев мольбы, главу, с откинутой шеи ссекая,
Рвет и за влажны она власы вздымает обрубок.
Мертвый порок святыми усты порицает Надежда:
«Брось велеречить – всякую Бог сокрушает гордыню;
Рухнет величье; напыщенность лопнет; осядет надменье.
Спесь научися свою отлагать, научися опасаться
Рва пред стопою, всяк износящий угрозы высоки!
Нашего в силе Христа остается славное слово:

290 Вздут смиренные ввысь, горделивые снидут глубоко.
Зрели мы, как Голиаф, и мощью и дерзостью страшный,
Немощной дланию был испровержен: отрочьей пущен
Был десницей в него из пращи кремень просвиставшей,
И в пораженно чело проникающей вторгнулся раной.
Он, непреклонен, грозлив, кичлив, немилостив, горек,
Буйно покамест кипит, пока ярится ужасно,
Вид свой являет пока, щитом устрашаючи ветры,
Вдруг испытав, на что способны ребячьи забавы,
Пылкий воитель, как раз от возраста нежного гибнет.

300 Отрок оный, за мной последовав с силой младою,
Выспрь к державе моей направил дух свой цветущий,
Ибо верный там мне блюдется чертог, под стопами
Бога всемошна, и мне, призывающей в горняя взйти,
С язвой сражаясь грехов, вручает себя победитель».
Молвила, и, разделив позлащенными воздух крылами,
В небо взметается дева; и ей, уходящей, дивятся
Доблести; души у них желаньем полнятся с нею
Вместе идти, когда бы война вождей не держала.
Бьются с пороками вновь и ждут своего воздаянья.

310 От закатных краев вселенной явился враждебник:
Сладострастность, своей не щадящая славы погибшей;
Мать на кудрях её, глас томен, очи блуждают;
В сласти забыла себя, усладиться – цель ее жизни,
Дух ласкать и томить, впивать беспутно соблазны
Нежные и растлевать надломленное разумье.
В то мгновенье она изрыгала всенощну трапезу,
Ибо, при свете зари лежа за пиршеством хриплу
Вдруг услышала трубу и оттоле, покинувши теплы
Чаша, между ароматов и вин походкою шаткой

320 Шла, хмельная, на брань, стопою цветы попирая.
Но не ногами она – колесницей несомая изящной,
Раненны ею сердца пленяла мужей изумленных.
О ратоборства вид небывалый! не трость окриленна
Реет, слетев с тетивы, ни дрот свистящий в ремennom
Розмахе вспыхнет, ниже копием угрожает десница,
Нет – но фиалки она бросает игриво и розы
Взмахивает лепестком, на врагов проливает кошницы.
Так чаровательный дух добродетелям, уж оболыщенным,
По потрясенным костям разливает нежну отраву,

330 Сладкоопасный кротит аромат сердца и оружие,
Мышцы, одетые в сталь, смягчает, сломивши их крепость.
Храбрость теряют они, побежденным подобно, роняют
Дроты бесславно, увы! из слабеющих рук, цепенея,
На колесницу пока, в различном каменье сиянье,
Зрят удивленно, пока бразды её, кованью звонки,
И колесничную ось, из плотного злата, тяжелу,
Очи незыбно вперив, созерцают они и чредою
Идущи спицы, лучась серебром, которы извивом
Бледным электра широко объемлет обод колесный.

340 Вот уж воинство всё, в стремленье безудержном сдаться,
Волей преходит своей, хоругви клоня, вероломно,
Чтоб Сладострастности впредь услужать, владычицы томной
Власть терпеть и шинка раздольным поддаться уставам.
Срам толь горький узрев, восстемала храбрейшая Доблесть –
Трезвость: на правом крыле споборники уж отступают,
Неодолимая рать погибает без кровопролитья.
Стяг высокий креста, который вождем был искусным
В первом ряду предносим, острием она в почву вонзает
И мятущийся полк укрепляет язвительной речью,

350 Души стрекая где укоризною, где и мольбою:
«Кое безумье в вас дух обуялый тьмой взволновало,
Мчитесь куда вы, кому подставляете шею, какие
Цепи – о стыд! – вам терпеть на дланях воинственных любо,
Вплетшись средь вязениц шафранных блистательны крины
И темновидны венцы, цветенья вешнего полны?
Сим-то угодно предать к войне привычные пясти
Узам, в сих-то узлах неистомные длани запутать,
Дабы, кудри мужей объяв, позлащенная митра
Желтым окружем нард впивала на них излиянный –

360 После того, как печать на челе начерталась елеем,
Коею царско дано помазанье, вечное миро –
Нежной чтоб поступи след выметало долгое платье,
Риза шелковая чтоб низливалась по членам бессильным –
После туники бессмертной, которую перстом искусным
Благостна Вера ткала, содевая покров неприступный
Груди омытой, ей же сама подала возрожденье, –
После сего – к ночным торжествам, где кубок огромный
Пагубу пенистую волной изливает Фалерна,
Чаши где каплют на стол, где вина беспримесным током

370 Одр увлажнился, росой где старинною полита ковань?
Жажду забыли вы ту пустынную, оный забыли
Кладезь, отверстый отцам из утеса, таинственным жезлом
Прянуть принужденный встарь от гребня скалы рассеченной?
В кущи первые снедь не сходила ли ангельска к вашим
Дедам, которую днесь, счастливейший, в веке позднейшем
Призван вкушать вечерний народ от тела Христова?
Брашном сим вскормленных, вас уже упоенье срамное
Тянет в сырой лупанар Сладострастности, вам на погибель:

380 Мужей, которых ни гремлюща Ярость, ни идолы в битве
Не одолели, смогла преклонить плясунья хмельная!
Стойте, молю; о себе вспомните и о Христе вы;
Что ваше племя, что ваша слава, кто Бог и владыка,
Кто господин, надлежит вам вспомнить: вы знатна Иуды
Отрасль, идуща к самой Богоматери, в коей и Бог Сам
Стал человек; от долгой чреды вы явились предков.
Пусть пробудит избранны умы Давидова пышна
Слава, в заботы войны повергавшаяся беспрестанно;
Пусть Самуил пробудит, на враге возбранивший богатом
Всякой корысти искать и в живых царя побежденна

390 Не терпевший, коль тот не обрезан, чтоб выживший пленник
Возобновить не склонил победителя кроткого брани.
Мнит преступлением он – щадить тирана плененна:
Вам же, напротив, пасть и быть одоленными мило.
О, раскайтесь, коль вы почтением подвижны к Богу
Вышнему, в помысле сем – за сладостным злом, несказанну
Створши измену, идти: не пагубен грех в покаянье.
Каялся Ионафан, что пост нарушил он сотом
Сладостным строгий, вкус отведав жезла и меда
В час недобрый, увь! когда желанье державы
400 Юношу лестно манит и клятву священную рушит.
Но раскаялся он, и жребий не был плачевен,
И приговор не окрасил секир отеческих тяжкий.
Се – я, Трезвость, коль вы мне намерены стать на подмогу,
Всем добродетелям путь проложу, дабы злосоветна
Сладострастность, хоть сонм клеветов при ней, претерпела
Купно с дружиной своей пред Христовым судилищем кару».
Молвивши так, Господень крест простирает к квадриге
Бурной, шествуя встречу, прилагая древо честное
К самым ее удилам: ужаснулись пылкие кони
410 Ветвей простертых его и вершины, блещущей ярко:
Страхом влекомы слепым, на побег они иступленный
Прянули по крутизнам. Поводья вотще напрягая,
Реет, откинувшись, колесничий, и влажные кудри
В прахе сквернятся у ней; тогда и колёс обращение
Падшую втягивает госпожу: под осью стремглавно
Канув, разданным она колесницу телом спинает.
Смертный Трезвость удар простертой наносит врагине,
Камень пустивши в нее громадный, утеса отломок,
Знаменщице бо вручил сие орудие случай,
420 В длани мощной не дрот, но знаменье брани носящей.
Так понесся валун, что по самым вратам он дыханья
Грянул, взорвав и уста смесивши с вогнутым нёбом.
Зубы крушатся тогда у возничего, и раздробленну
Полнит гортань изданный язык кровавым лоскутьем.
Брашна неслыханны зев опаляют: она, поглощая
Кости растопленны, снедь извергает, давно потребленну.
«Выпей же крови своей, отведав из кубков столь многих, –
Дева, глумясь, вопиет: – Сей пир тебе буди впоследствии
Скорбен, за всю чрезмерную сласть протекшего века;

430 Резвые жизни твоей соблазны пусть горькой вкушенье
Смерти, последний сей вкус глотком удручит пусть ужасным!»

Гибель вождя узрев, рассеивается в трепетном бегстве
Вся пустошная рать: Посмех с Бесстыдностью первы
Мещут кимвалы: таким бо оружием они забавлялись
Ратовать, ранить врагов приступаясь с отзывчивым систром.
Вспять пустился Amor; отравой напитанны стрелы,
Лук, уронённый с плеча, и колчан, на землю упавший,
В ужасе сам побледнев, за спиной далеко оставляет.
Роскошь, блеском пустым кичлива, совлекшись праздна

440 Пеплума, мчит в наготе; Умильности все плетеницы
Тянутся раздраны; с шеи, с главы покатилося, распавшись,
Злато её, и алмазы смешала резкая Распря.
Не умеждает ногой уязвленной ступать сквозь колючи
Чащи Услада, зане понуждает вящая сила
Бегство печально терпеть, и страх пред опасностью бранной
Черствыми нежны стопы на мучительный путь содевает.
Беглы станицы куда ни направят трепетна лёта,
Всюду потери лежат: булавки, повязи, ленты,
Пряжка, фатица, корсет, диадема и ожерелье.
450 Сих корыстей и Трезвость сама, и Трезвости всякий
Воин не смеет тронуть: сии прокляты соблазны
Чистую топчут стопой, и свои суровые вежды
Не обращают они с помизаньем на радость поживы.

Алчность, рекут, по мощне поместительной препоясавшись,
Всё, что прожорливая ни бросила ценного Пышность,
В пясть крюковату гребёт, на красны безделки широкой
Пастью зияя и злата собирая обломки, что пали
Между песчаных куч; обширную ей не довольно
Пазуху с верхом набить – желает прибытком исполнить
460 Гнусным мощну, распереть покражею коробки тяжки,
Кои шуйцей она прикрывает, у левого бока
Ризой скутавши их; ведь нагла десница добычу
Тянет, ее неустанны в грабительстве медные когти.
Глад, Забота и Страх, Вероломства, Тревога и Бледность,
Злоумышленья, Обман, Бессонница, Скаредность, Порча,
Чудищу сонм Эвменид сопутствует многообразных,
Тою порой, как, обычай волков усвоив свирепых,
Рыщут по полю всему Преступленья толпою бесчинной,

Черным матери их воздоенные Алчности млеком.
470 Если братний шишак, горящий перунником рдяным,
Сродный союзник узрит, обнажить тотчас не боится
Меч и в темя тому соратным лезвием грянуть,
С единокровной главы чтоб похитить камни драгие.
Если случится найти умерщвленного жребием бранным
Сыну тело отца, в златых лучашуюсь лудах
Перевязь он и доспех ликует восхитить кровавый:
В поле семейну корысть собирает гражданская распря,
И родных не щадит ненасытная жажда к стяжанью
Чад, нечестивый свои порождения глад обдирает.
480 Так резню в племенах победительница всей вселенной
Алчность чинила, мужей простирая сотнями тысяч,
Раны им разны неся; одного, лишенного зренья
Глаз исторгнутых, точно во мрак пускает полночный –
Вслепости жалкой блуждать, средь многих свершая препятствий
Ход свой, и не осязать клюкою опасностей встречных;
Взор соблазнит другому она, помрачая смотренье,
Знатное нечто ему показуя, к чему устремившись
Без опасенья, на дрот налетит, и в самое сердце
Он уязвленный, стenet, погруженное чуя железо.
490 Ввергнуться многих она понуждает во пламень открытый,
Огня избегнуть отнюдь не дая, где злато калится,
К коему мчит, чтоб вместе сгореть, несытый искатель.
Род весь людской похищает она, и всех она смертных
На погибель долит, и нет никакого свирепей
Между пороков земных, что в бедствах вращает толиких
Род человеков мирской и геенне его обрекает.
Даже самих докоснуться рукой, коль верить пристало,
Божьих она дерзает жрецов, которые в битве
Пралися в первом ряду, путеводцы, для прославления
500 Доблестей, полня трубу могущего звуком дыханья.
Может быть, кровью б она упоила невинной железо,
Коль Рассудительность тут браномощная, рода левитска
Спутница верная, щит не простерла бы встречу и славных
Не оградила бы чад от натиска черной врагини.
Им Рассудительность верный оплот: невредимы от всяких
Вихрей стоят, отважны душой; едва ли и коже,
Мимо скользнув, повредит у немногих легкою раной
Алчности дрот. В изумленье чума сия гнусная медлит,

Видя, что жала её отлетают от горла героев,
510 Стонет и фурийный так глагол, кипя, устремляет:
«Мы побеждены, увы! цепенеем, вся наша мощность
Прежних не явит насильств; вредоносная лютость слабеет,
Коей привычно везде было с силою неодолимой
Рушить людские сердца; ведь железною столь ни в едином
Муже природа донесъ не была, чтобы, твердый, он презрел
Медь иль для нашего он неприступен сделался злата.
Всякому смерть мы свойству несли: жестоки и нежны,
Грубы, премудры равно, неучены, учены, а с ними
Чисты, нечисты моей все сердца открывались десницей.
520 Я пленила одна всё, что Стикс омыкает несытой
Завертью, нам лишь одним богатейший Тартар обязан
Людом во власти его; что вращают века, всё то наше;
Всё, чем мятется мир, занятия безумные, – наше.
Как учинилось, что сил наша пышная слава лишилась
Крепких? фортуна что днесъ над усталою мышцей смеется?
Для христолюбцев ничто – монеты блистательной рдяный
Образ, ничто серебра им чекан, и сокровище всяко
Дёшево в их глазах, в своей помраченное чести.
Что в гнушении сем ученом? Над Искарриотом
530 Мы ль не свершили триумф, кто, велий меж учениками,
Трапезу с Богом деля, обманывал, пира причастник,
Он не неведущего, простирая к солилу десницу,
Пламенной алчности полн, и на нашу стрелу налетел он,
Пажить позорну себе купив приязненна Бога
Кровью, за поле платить имущий удувленной шеей?
Зрел и Иерихон, при своем разрушенье, коль много
Длань наша мощна, когда погиб Ахар победитель.
Славен в сече и стен градских горделив низверженьем,
Злату он уступил, у врагов одоленных стяжанну,
540 В пепле заветном когда собирая богаты проклятыя,
Ненасытимо впивал он руин угрюму поживу.
Знатное племя ему не на пользу и древния ветви
Сам праотец Иуда, в родстве с Христом приобретший
Знатность свою, таким патриарх счастливый потомком.
Люб кому рода пример, любезен да будет и образ
Смерти: будь кара одна для тех, чей род был единым.
Что же Иуды сродников я иль сродников медлю
Священнодетеля вышня – зане так чтят Аарона –